

В. Жирмунский

**Немецкий романтизм и
современная мистика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

В11 **В. Жирмунский**
Немецкий романтизм и современная мистика / В. Жирмунский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 207 с.

ISBN 978-5-458-50742-4

Виктор Максимович Жирмунский (1891 — 1971) — российский лингвист и литературовед, профессор, доктор филологических наук, академик АН СССР, почётный член Баварской, Британской, Саксонской и других академий, почётный доктор многих университетов. Разностороннее глубокое исследование романтического «чтения бесконечного» и его преломления в поэтике, философских, эстетических и религиозных концепциях «йенского романтизма», Целостное описание романтической картины мира, равного которому отечественная германистика до сих пор создать не смогла. Стиль изложения, сочетающий академическую строгость и поэтическую выразительность, делает эту книгу интересной не только для специалистов, но для всех интересующихся литературой и искусством романтизма.

ISBN 978-5-458-50742-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Еще летали сны — и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Бл. Соловьевъ.

В В Е Д Е Н И Е.

Бывають эпохи въ исторіи человѣческой жизни, когда люди добровольно ограничиваютъ душу свою видимымъ, слышимымъ и осязаемымъ. Тогда мысль не находитъ себѣ выхода среди конечныхъ предметовъ и ихъ причинныхъ отношеній, и весь міръ какъ будто переносится на плоскость, теряетъ свою глубину, свой сокровенный смыслъ. Но въ иные годы живое, поэтическое чувство возвращается снова; тогда міръ кажется близкимъ и знакомымъ, и все-таки таинственнымъ; за всѣмъ конечнымъ чувствуется безконечное, и только еще дороже становится теперь конечное, какъ содержащее въ себѣ божественный духъ. И камни, и деревья, и травы, и дальняя горы, и рѣки кажутся одушевленными и живыми,—какъ будто теплое дыханіе, слышное во всемъ мірѣ, проникаетъ и въ человѣческую душу. Такое живое, положительное чувство присутствія безконечнаго, божескаго во всемъ конечномъ я называю мистическимъ чувствомъ.

Нѣмецкіе романтики, выступившіе, какъ непосредственные ученики Гёте, получили отъ него поэтическое чувство природы. Подобно Гёте, они должны были сразу вступить въ борьбу съ господствующей просвѣтительной литературой. Но признаніе высокой познавательной и

нравственной цѣнности мистическихъ переживаній должно было создать между романтиками и просвѣтителями грань еще болѣе рѣзкую, чѣмъ между философией просвѣщенія и Гёте. И вотъ начинается борьба въ защиту новаго чувства противъ тѣхъ, кто хотѣлъ отвергнуть данныея этого чувства при помощи разсудочныхъ соображеній. «Мудрые міра сего», говорить Ваккенродеръ, — «ошиблись, хотя ими руководило стремленіе къ истинѣ; они захотѣли обнаружить небесныя тайны и вынести ихъ на свѣтъ дневной, поставивъ среди земныхъ вещей, и, смѣло настаивая на правахъ своихъ, они оттолкнули неясныя чувства (*die dunkeln Gefühle*). — Но развѣ можетъ слабый человѣкъ освѣтить небесныя тайны? Развѣ смѣеть онъ дерзко вынести на свѣтъ, что Богъ покрылъ своей рукой? Развѣ онъ въ правѣ надменно оттолкнуть неясныя чувства, которыя спускаются къ нему, какъ таинственные ангелы?»¹⁾.

Впервые мы видимъ въ этихъ словахъ откровенное признаніе мистического чувства. Міръ явленій полонъ тайны, и, классифицируя эти явленія въ общихъ понятіяхъ, соединяя и раздѣляя ихъ по законамъ логики и освѣщая свѣтомъ разума, мы слишкомъ часто теряемъ въ нихъ самое важное, индивидуальное, невыразимое на языке нашего мышленія.

Глубокое мистическое чувство характерно для нѣмецкихъ романтиковъ на всемъ протяженіи ихъ творчества. Обращаясь къ ихъ перепискѣ, мы отмѣчаемъ уже въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ такія выраженія, какъ «горячая жажда вѣчности», «стремленіе къ недостижимому», «любовь къ неимѣющему имени», «тоска по Богу»²⁾. Въ 1793 году

¹⁾ W. H. Wackenroder «Herzensergiessungen eines kunstliebenden Klosterbruders», W. u. Br., I, 66.

²⁾ «Heisser Durst nach Ewigkeit», «Streben nach dem Unerreichbaren» «Liebe zu dem Namenlosen», «Einsicht in den Geist der Welt», «Sehnsucht nach Gott».

Фр. Шлегель пишетъ своему брату: «Все величіе человѣческое въ силѣ и желаніи стать подобнымъ Богу и всегда имѣть безконечное передъ глазами»¹⁾. И Новалисъ, утѣшавшія своего друга, говорить ему: «бросься въ объятія природы»... «вѣрь, а потомъ уже разсуждай»²⁾. Вотъ почему совершенно неправильно считать исходнымъ моментомъ религіозныхъ и мистическихъ интересовъ въ кругу первыхъ романтиковъ годъ появленія «Рѣчей о религіи» Шлейермакера. Эти рѣчи представляютъ собой моментъ сознанія того глубокаго мистического движения, на почвѣ котораго развивается романтизмъ, и которое является его внутренней сущностью.

Цѣль настоящей работы заключается въ томъ, чтобы прослѣдить въ творческой интуїціи романтиковъ и въ ихъ теоретическихъ взглядахъ зарожденіе и развитіе мистического чувства. Задача сводится, слѣдовательно, къ тому, чтобы отъ первыхъ незамѣтныхъ признаковъ непосредственаго чувства присутствія безконечнаго въ конечномъ—въ поэтизациіи природы, въ лирикѣ любовнаго чувства, въ преклоненіи передъ искусствомъ, пройти сквозь всѣ ступени развитія и черезъ всѣ видоизмѣненія этого чувства къ твердому религіозному сознанію послѣдней эпохи. Мы увидимъ, такимъ образомъ, какъ одновременно съ пробужденіемъ мистического чувства появляются тѣ особенные черты, которыя мы привыкли соединять съ представленіемъ о романтизмѣ; какъ въ дальнѣйшемъ развитіи всѣ романтическіе вопросы и отвѣты возвращаются къ этому единому центру—мистика природы и любви, мистическая этика и философія исторіи мистическая поэтика и новая рѣлигія. Конечно, только основныя вѣхи, только проблемы могутъ быть поставлены въ этой работѣ; ея за-

¹⁾ Romantiker-Briefe, herausg. v. Gundelfinger, стр. 125.

²⁾ Novalis Briefwechsel, herausg. v. Raich, стр. 3, 6.

дача идетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину—по возможности, все привлечь къ дѣлу, связать съ основнымъ моментомъ. Быть можетъ, тогда мы сумѣемъ рѣшиться на утвержденіе, что романтизмъ является своеобразной, обладающей такими-то и такими-то особенностями, свойственными вѣку, формой развитія мистического сознанія.

Въ разработкѣ этихъ положеній мы ограничиваемъ себя Іенскимъ романтизмомъ. И это потому, что, поскольку задача сводится къ анализу нѣкотораго подлиннаго чувства, хочется имѣть дѣло съ наиболѣе подлиннымъ его выражениемъ. Въ произведеніяхъ Іенскихъ романтиковъ мы встрѣтимся съ исканіемъ, неувѣренностью и борьбой; съ борьбой, прежде всего, даже со словомъ, недостаточно гибкимъ еще для выраженія новаго содерянія переживаній. Здѣсь творятся литературныя цѣнности, новые образы и формы—здѣсь создаются новыя проблемы и новыя рѣшенія, входящія въ составъ послѣдующей духовной культуры. Поздній романтизмъ оперируетъ въ значительной степени уже съ готовыми рѣшеніями и созданными ранѣе литературными формами. «Безчисленное множество разъ», говорить о старикѣ Тикѣ его бiографъ и другъ Кепке, «слышалъ онъ, какъ повторяли тѣ слова, которыя онъ произнесъ еще юношай» ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ романтики второго поколѣнія во многомъ, что было вопросомъ для старшихъ, пришли къ окончательному выводу, причемъ изъ двухъ, остро поставленныхъ и, можетъ быть, противорѣчивыхъ возможностей, изъ которыхъ обѣ существовали для Іенскихъ романтиковъ, они выбрали одну и болѣе простую, тогда какъ часто въ противорѣчіи, въ допустимости другого рѣше-

¹⁾ R. Körpe. «L. Tieck. Erinnerungen aus dem Leben des Dichters», II, стр. 12 и слѣд.

нія состояла особенная прелесть мистической философіи. Такъ, для примѣра: все ярче проявляется съ теченіемъ времени идеалистическая, аскетическая сторона романтизма, стремленіе въ міры иные; въ связи съ этимъ стоитъ возвратъ къ аскетической нравственности и религіи католичества. Тогда какъ у Іенскихъ романтиковъ было реалистическое желаніе весь міръ, въ его индивидуальной полнотѣ и разнобразіи, освятить божественнымъ духомъ, поскольку во всемъ конечномъ проявляется безконечное.

Но понятіе Іенского романтизма также не является достаточно строго ограниченнымъ. Характеръ основного чувства и міровоззрѣнія каждого изъ романтиковъ съ теченіемъ времени развивался; и каждый изъ нихъ, опять-таки, отличался отъ другого своими личными чувственными навыками и взглядами. Поэтому только литературные враги новаго направленія могли говорить о какой-то шлегелевской партіи въ литературѣ, о заговорѣ противъ господствующаго вкуса по программѣ, сочиненной изъ головы. (Гейне, между прочимъ, повторяетъ это странное мнѣніе). Всѣ такія личныя особенности, такъ же какъ и моментъ развитія, намъ придется отмѣтить во время разбора. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать общей одинаковой настроенности въ кружкѣ первыхъ романтиковъ, потому что были опредѣленныя общія потребности времени, прорвавшіяся въ дѣятельности членовъ кружка, часто похожей еще до момента ихъ личнаго знакомства. Впослѣдствіи сыгралъ роль живой обмѣнъ мнѣній въ салонѣ Каролины Шлегель. И, можетъ быть, личность и жизнь самой хозяйки нерѣдко находили себѣ какъ бы мысленную объективацію въ произведеніяхъ и словахъ ея друзей ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ см. ниже стр. 70; также предисловіе Walzel'я въ «Schriften der Goethe-Gesellschaft», B. 13. «Goethe u. die Romantik». Также E. Kircher. «Die Philosophie der Romantik», стр. 40—47, 51.

Во всякомъ случаѣ, періодъ времени отъ 1798—1802 гг. можетъ считаться какъ бы классическимъ для Іенскаго романтизма, и въ смыслѣ наибольшей близости романтиковъ между собой, и въ смыслѣ наибольшей выраженности въ ихъ произведеніяхъ этой поры того, что составляетъ самое характерное для романтическаго чувства. Это было время, когда Шлегели издавали «Атенеумъ»; Фридрихъ написалъ «Люцинду»; Шлейермахеръ—«Рѣчи о религіи», «Интимную переписку», «Монологи»; Новалисъ—свои романы, фрагменты и стихи; Шеллингъ—натурфилософскія сочиненія и первый очеркъ трансцендентальнаго идеализма; Тикъ—произведенія, впослѣдствіи объединенные подъ многозначительнымъ названіемъ «Romantische Dichtungen». Во истину—время, обильное сѣменами для будущаго и дающее наблюдателю цѣльное и богатое впечатлѣніе.

Поставивши своей задачей изученіе мистического чувства въ произведеніяхъ и теоріяхъ первыхъ романтиковъ, мы должны замѣтить тотъ методъ, котораго держится эта работа. Мистическое чувство можетъ показаться понятіемъ сбивчивымъ и двусмысленнымъ. Мы опредѣлили его, какъ живое чувство присутствія безконечнаго въ конечномъ. Тѣмъ самымъ точка зрѣнія, проводимая въ дальнѣйшемъ, будетъ чисто психологическая. Мы отвлекаемся отъ вопроса о познавательной цѣнности мистического чувства. Мы отбрасываемъ, какъ относящейся къ гносеологіи, а можетъ быть и къ метафизикѣ, вопросъ о томъ, достовѣрно ли мистическое чувство, сообщаетъ ли оно намъ какія бы то ни было данныя о внѣшнемъ мірѣ, о Богѣ внѣ нась, или мы имѣемъ дѣло съ продуктомъ нашего сознанія, которое проектируетъ нечто изъ себя во внѣшній міръ. Для нашихъ цѣлей безразлично, имѣемъ ли мы дѣло въ мистикѣ природы, напримѣръ, съ поэтизаціей природы, т.-е. съ нашей дѣятельностью, или съ прозрѣніемъ поэтической сущности природы. Не оцѣнивая, мы задаемся

цѣлью описать, какъ испытывали романтики мистическое чувство и, поскольку въ романтическихъ произведенияхъ, письмахъ и признаніяхъ мы имѣемъ дѣло съ описаніемъ конкретнаго, живого чувства присутствія въ конечномъ безконечнаго, съ категорическимъ заявленіемъ: да, міръ полонъ тайны, міръ божествененъ,—а не съ такимъ заявленіемъ: я дѣлаю міръ таинственнымъ, проектирую въ него мысль о Божествѣ, живущую въ моемъ сознаніи,—мы принимаемъ, что такое чувство дѣйствительно переживалось романтиками. Нужно еще разъ повторить, что это не предопредѣляетъ познавательной цѣнности романтическаго переживанія ¹⁾, и, можетъ быть, въ ихъ словахъ выразился классовый бредъ, подчиненный какимъ-нибудь невыясненнымъ законамъ сознанія; съ психологической точки зренія, во всякомъ случаѣ, бредъ является такимъ же состояніемъ сознанія, какъ и другія, и нашей цѣлью является изслѣдованіе его психологического же содержанія.

Поскольку центръ тяжести вопроса о романтизмѣ переносится нами на описание чувства безконечнаго во всѣхъ его формахъ и въ его развитіи, мы не будемъ уже, изучая романтиковъ, имѣть дѣло исключительно съ вопросами исторической поэтики и литературной эволюціи. Мы опускаемся въ болѣе глубокій и коренной слой явленій. Романтизмъ перестаетъ быть только литературнымъ фактомъ. Онъ становится прежде всего новой формой чувствованія, новымъ способомъ переживанія жизни. Человѣкъ, для котораго весь міръ божествененъ, для котораго божественное является вмѣстѣ съ тѣмъ высшей цѣлью; будетъ смотрѣть и дѣйствовать, желать и жить уже по новому,—и писать, конечно, онъ будетъ по новому, но въ

1) Такое разграничение задачъ психологического изслѣдованія религиозного чувства и оценки его съ точки зренія познанія см. у Джемса, «Многообразіе религиознаго опыта».

писаніі прежде всего намъ бросится въ глаза именно новое чувство жизни. И вътъ возникаетъ потребность жить сообразно съ этимъ чувствомъ, осуществить въ жизни требование этого чувства. Мы знаемъ въ исторіі романтизма такой моментъ, когда жизненная задача, жизненный призывъ оказался настолько сильнымъ, что даже наступилъ отказъ отъ поэтическаго творчества, возвратъ къ борьбѣ въ житейской сферѣ за новый жизненный идеалъ. Таковъ былъ путь Фридриха Шлегеля, Брентано и З. Вернера, когда они стали приверженцами католической религіи. Поэтому, кажется намъ, глубоко неправы тѣ, кто, по примѣру Геттнера, рассматриваютъ романтизмъ, какъ чисто литературное направление, развившееся изъ принципа свободы творческаго субъекта въ искусствѣ, выставленнаго Гёте и бурными геніями. Литературное новаторство было только результатомъ глубокаго перелома въ душевныхъ переживаніяхъ. Основныя черты этого перелома намѣчаются уже въ половинѣ XVIII вѣка, но особенно въ литературѣ эпохи бурныхъ стремленій.
